

The background of the entire image is a photograph of a white church with several golden domes and crosses, situated on a grassy hill. The sun is setting behind the church, creating a warm, golden glow across the sky and the foreground. The sky is filled with soft, orange and yellow clouds. In the foreground, there is a field of tall, golden grass that is slightly out of focus.

Вячеслав Черепов

ПОКА БЬЁТСЯ СЕРДЦЕ

Сборник стихотворений и поэм

Вячеслав Черепов

Пока сердце бьётся

«Автор»

2026

Черепов В.

Пока сердце бьётся / В. Черепов — «Автор», 2026

«Пока сердце бьётся» — сборник стихов кубанского казака, подьесаула. Эта книга писалась не в тиши кабинета, а росла из степи, моря, дорог и памяти. Здесь переплетаются воинский долг, казачья честь и любовь к родной земле. От героических страниц истории — Кущёвской атаки и подвига Архипа Осипова — до личных переживаний о семье, вере и природе. Стихи о трёх поколениях, прошедших через горнило войн, о красоте кубанских степей и силе братства. Это честная, мужественная поэзия, где каждое слово — как удар сердца. Книга для тех, кто помнит свои корни, ценит верность и знает: пока бьётся сердце — жива память, жива Россия. «Казак не сдаётся, казак не боится, казак до конца — вот казачья суть».

© Черепов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Вячеслав Черепов

Пока сердце бьётся

Глава

ПОКА СЕРДЦЕ БЬЁТСЯ

Сборник стихотворений и поэм

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я — кубанский казак, подьесаул. Эта книга собиралась не за один год и не в тиши кабинета — она росла из степи, из моря, из дорог и из памяти. Стихи в ней разные: о войне и верности, о земле и небе, о любви и вере. Но нить одна — человек, у которого есть Родина и долг. Я написал её для тех, кто чувствует так же.

«Казак не сдаётся, казак не боится,
Казак до конца — вот казачья суть».

I. ТИХИЙ ЗОВ СТЕПИ

МАРЬИНСКАЯ ВЫСОТА

Памяти атамана

Шестьдесят один — не срок для контракта,
По уставу — в отставке, дома сидеть.
Но казачья кровь не знает регламента,
Ей приказано — Родину беречь.

Майор спецназа, чеченские горы,
Атаман, отец, боевой наставник.
Он не ждал повестки, не вёл разговоры:
«Добровольцем пойду. Я — казак. Я — защитник.»

«Барс-11» — позывной «Дядька» в строю,
Старший среди молодых, опытный воин.
Он учил их не словом — учил их в бою,
Как стоять до конца и быть этого достойным.

Марынка дымилась, «Грады» рвали твердь,
БТР подбит, огнём объята сталь.
«Атаман, в укрытие!» — но он не отступил,
Остался прикрыть, пока не стихла даль.

Выбрался из люка, тяжело ранен, но встал,
Не оставил бойцов, не отошёл в тыл.

«Вытаскивайте раненых, я прикрою!» — кричал,
И остался один на огневой вал.

Весь день держал позицию, стиснув зубы,
Кровь на бушлате, в глазах — только свет.
Снаряды крошили землю, свистел металл,
Но атаман не сдался, не признал предел.

Сослуживцы рвались, но огонь не стихал,
Подобрать не могли — сплошной заградительный вал.
А он полз, преодолая боль и усталость,
К своим, к своим, пока рассвет не настал.

Сотня метров под огнём — не путь, а крест,
Каждый метр давался ценой последних сил.
Утром коптер снял, как сквозь дым и свист
Полз казачий атаман, что жизнь свою отдал.

Не сдался, не сдался, до последнего вдоха,
Пока не закрылись усталые глаза.
Марьинка запомнит, запомнит эпоха:
Здесь пал Михаил, здесь горит заря.

Кубанское войско, Черноморский отдел,
Помнят Саморукова, помнят его путь.
Казак не сдаётся, казак не боится,
Казак до конца — вот казачья суть.

«Дядька» — не просто позывной, а отец,
Наставник, учитель, старший боец.
Вечная память герою, атаману,
Что жизнь отдал за братьев и за край.
Пусть имя Михаила не канет,
В сердцах казаков — негаснувший май.

Не возраст решает, а совесть и честь,
Не звание судит, а подвиг и кровь.
Он учил молодёжь: «Долг превыше всех»,
И сам показал это в последний бой.

Пусть ветер Кубани несёт эту весть,
Пусть в храмах поют за него колокола.
Атаман Саморуков — с нами, он здесь,
В памяти вечной, в строю без числа.

Утро... Рассвет...
Сотня метров пути...
«Дядька» ...
«Барс-11» ...

Вечная память. Любо.
РОДИЛСЯ КАЗАКОМ

Где Кавказские горы встречают рассвет,
Где Черноморский берег хранит старый завет,
Там не зря говорят: казак — это не имя,
Это Родины кровь и станичный обычай живой.

От куреней черкесских до геленджикских вод
Нас ведёт вперёд только правда и род.
Не бумажный приказ, а живое слово,
Казачья душа — она вечна и нова.

Родился казаком — и казаком останусь,
Сквозь годы и битвы, сквозь дым и туман.
За Кубань, за Отчизну, за братство я встану,
И верность храню, пока не смолкнет наш стан.

Не сотрётся с души, не погаснет в крови
Тот огонь, что деды зажгли нам в пути.
Кто родился казаком — тот казак навсегда,
И в бою, и в труде, и в час тишины.

Не парадная площадь, а ночной рубеж,
Где позывной вместо имени, где нет уже лжи.
Летят птицы над балками, гремят металл и гром,
Но казак не потерял ни выдержки, ни дома.

Земля, где стоим мы, — не чужая, а своя,
За неё и за братьев головы не щадя.
Знак подъесаула — не для галочки блеск,
Это крест на плечах, это братская честь.

Икона в кабине, мать молится у двери,
Сын учится держать равнение в строю.
Обычай не в музее, он жив, он в нас, братцы,
Пока бьётся сердце, пока поём мы:

«Любо!» — голос не дрогнет,
Пока Кубань течёт, обычай не стинет.

КАЗАЧИЙ ЗАВЕТ

I

Прадед мой, Иван, уходил в четырнадцатом годе,
Целовал икону, крестился у ворот.
«Вернусь, Оксана, к урожаю, к первой звезде в небосводе,
Кубань наша подождёт, я вернусь через год».

А ушёл на Германский, в окопы под Лодзью,
Георгиевский крест заслужил в первом бою.
Но вернулся в семнадцатом — не в свой курень, не в хату,
А в станицу, где брат на брата поднял руку, проклятый.

Не дошёл до порога — пуля своя, не чужая...
Так и лёг у Тамани, где волна седая.

Три поколения, три войны, три судьбы в одной крови.
Одна земля, одна молитва, одни и те же сны.
Казачья доля — не выбирать, куда идти в поход,
А знать: за дом, за веру, за народ —
Пойдёшь, даже если возврата нет.
Такой он, казачий завет.

II

Дед мой, Николай, в сорок втором ушёл из хаты,
Мне было семь, помню: шинель, ремень, сапоги.
«Дочка, бери косу, работай за меня и за матушку,
Я вернусь, как фашиста сбросим с нашей земли».

Писал с фронта редко: «Жив, здоров, держимся под Ростовом».
А в сорок третьем — треугольник: «Пропал без вести в бою».
Только в восьмидесятых нашли под Новороссийском,
Под Малой Землёй, в безымянной могиле братской, тихой.

Баба моя до ста лет ждала, смотрела на дорогу,
Шептала: «Коля, вернись, я всё прощу, только будь со мной».

Три поколения, три войны, три судьбы в одной крови.
Одна земля, одна молитва, одни и те же сны.
Казачья доля — не выбирать, куда идти в поход,
А знать: за дом, за веру, за народ —
Пойдёшь, даже если возврата нет.
Такой он, казачий завет.

III

Сын мой, Андрей, в двадцать третьем собрался в дорогу,
Обнял меня: «Мам, я должен, это наш долг перед Русью».
Я плакала ночью, молилась у иконы строгой,
«Сынок, вернись, я тебя одного растила, боюсь...»

Он служит там, где снова брат идёт на брата,
Где снова русская земля стонет под огнём.
Пишет: «Мама, мы освобождаем наши города,
Деда Николая землю, нашу, родную, отцовскую».

Я получаю посылки, звоню, но голос дрожит,
Боюсь спросить: «Вернёшься?» — а он молчит...

IV

И снится мне: прадед Иван, дед Николай и Андрей,
Стоят втроём у ворот, в шинелях разных годов.
Прадед говорит: «Мы не выбирали, мы были верны присяге»,
Дед шепчет: «Я не вернулся, но землю свою сберёг»,
Сын отвечает: «Я продолжу, пока бьётся сердце в груди,
Кубань, Россия, вера — за ними пойду впереди».

А я просыпаюсь, крещусь, иду к иконе,
Шепчу: «Господи, сохрани моих казаков в обороне».

Три поколения, три войны, три судьбы в одной крови.
Одна земля, одна молитва, одни и те же сны.
Казачья доля — не выбирать, куда идти в поход,
А знать: за дом, за веру, за народ —
Пойдёшь, даже если возврата нет.
Такой он, казачий завет.

ЛИПКИНСКИЙ ПОСТ

Спит Неберджай, молчит ущелье,
Туман ползёт на склон горы.
Но ночь хранит одно смятение,
Предчувствие роковой игры.

Река Липка шумит тревожно,
Сорок минут до роковой черты.
На посту Георгиевском — невозможно
Сосчитать тени во тьме...

Тридцать пять штыков, тридцать пять сердец,
Пластуны шестого, славный молодец.
Сотник Горбатко крестит чело,
Смерть уже близко, её час пришёл.

Три тысячи горцев, как чёрная тьма,
Обложили пост, сводя с ума.
«Братцы, — шепнул сотник, — не дрогнуть, не сдаться!
Пусть на части рвут — будем драться!»

Огонь над Липками бьёт в небеса!
Здесь дух не сломить, не порвать голоса!
Тридцать пять против тысячи лезвий и копий,
Нет пути назад, нет слова «бессилен».

Горите, но не сдавайтесь, пока бьётся кровь!
Липкинский пост — это вечная любовь.
К Кубани! К вере! К присяге своей!
Нет в мире казаков честней!

Первая атака, ружейный залп!
Враг отхлынул, как от скалы вал.
Но лезут снова, густой стеной,
Крики и стоны, и дым густой.

Шашки сверкают, штыки в упор,
Каждый метр земли — смертельный спор.
Сотник ранен, кровь на седле,
Но стоит крепко на родной земле!

Рядом Марианна, жена сотника,
Не прячется за спины, не ждёт подмоги.
Взяла карабин, припала к плечу:
«За мужа, за братьев, за Кубань хочу!»

Убила двоих, прежде чем упала,
Душа её светлая выше стала.
Смерть не страшна, когда за спиной
Стоит казачий, родной покой.

Взорван заряд! Канонир Богуцкий
Поджёг фитиль, чтобы не сдаться в руки!
Казарма в огне, жаром дышит стена,
Но в сердце у каждого — тишина.

«Пусть сгорим дотла, пусть не будет нас,
Но враг не пройдёт, не пройдёт сейчас!»
Огонь поднимается выше крыши,
Ты слышишь, потомок? Ты слышишь, слышишь?!

Огонь над Липками бьёт в небеса!
Здесь дух не сломить, не порвать голоса!
Тридцать пять против тысячи лезвий и копий,
Нет пути назад, нет слова «бессилен».
Горите, но не сдавайтесь, пока бьётся кровь!
Липкинский пост — это вечная любовь.
К Кубани! К вере! К присяге своей!
Нет в мире казаков честней!

Утро пришло, дым рассеялся вдруг.
Только пепел и тишина вокруг.
Ни одного живого, ни одного пленного.
Только память о них — нетленная.

Липки помнят...
Неберджай помнит...
Вечная слава...
Героям.
Любо.

ВЕЧНАЯ СТЕПЬ. ТРИ КРАЯ Цикл «Тихий зов степи»

Три края сплелись в один напев:
Кубань, Дон, Сибирь — в единой выси.
Ковыль качается, храня завет,
И степь дышит, как живая мысль.

Не гром побед, не клич, не барабан,
А шёпот трав да отблеск дальних звёзд.
Здесь подвиг — в том, чтоб слушать тишину,
И в каждом миге находить простор.

Станицы спят. Хутора тихо ждут.
И ветер несёт сквозь года и сны
Тот свет, что в сердце каждом берегут —
Любовь к земле, где корни так сильны.

И пусть промчатся вихри и гроза,
Останется нетронутым покров:
Степь, ковыль, и тихая слеза,
И вечный зов родимых берегов.

КУБАНЬ. КОВЫЛЬ И ВЕЧЕР Цикл «Тихий зов степи»

Легко ложится тень на ковыль седой,
И степь молчит, как храм перед зарёю.
Он смотрит вдаль — где небо с землёй
Слилось в одно дыханье под луною.

Станица спит. Лишь ветер, пробегая,
Качает травы шёлковые нити.
И в тишине, чуть слышно, замирая,
Звучит былой, негромкий плач на флейте.

Не помнит он ни сабель, ни тревог,
Лишь шёпот трав да отблеск далей ясных.
И каждый миг, как будто первый вдох,
Несёт покой в сердцах неугасимых.

ДОН. ТИХИЙ БЫТ И ПАМЯТЬ

Цикл «Тихий зов степи»

Река несёт в себе отраженье звёзд,
А хутор тонет в дымке голубой.
Здесь жизнь течёт, как тихий перезвон,
Где каждый дом хранит свой лад святой.

Он слышит: скрип колодца у крыльца,
И разговор неспешный за столом.
Здесь подвиг — не в размахе молодца,
А в верности родимым берегам.

И в сумерках, когда замолкнет день,
Душа поёт, как струны над водой.
Не гаснет свет в оконцах тёплых стен —
Он веет тишиной и красотой.

СИБИРЬ. МОРОЗ И ОБЕТ

Цикл «Тихий зов степи»

Мороз рисует узор на стекле,
А за окном — простор, где снег и тишь.
Здесь ковыль спит под белой пеленой,
И каждый куст в молчанье застывший.

Он помнит: как горел в печи огонь,
Как мать молилась в уголок святой.
Не ради славы шёл он в дальний бой,
А ради тех, кто ждёт его домой.

И пусть метель заносит всё кругом,
В душе горит неугасимый свет.
Подвиг сибирский — в том, чтоб быть собой,
И в стуже ледяной хранить обет.

ПОДВИГ АРХИПА ОСИПОВА

Тысяча восемьсот сороковой,
Март на дворе, черкесская зима.
Устье Вулана, берег морской,
Михайловское — крепость мала.

Пятьсот штыков, одиннадцать пушек,
Против десяти тысяч — стена.
Кто устоит? Кто будет не сломен?
Тенгинский полк — вот кто до дна!

Двадцать второго марта, на рассвете,

Горцы обрушились, как лавина с гор.
«Аллах!» — кричат, летят, как ветер,
В двадцать раз больше — вот их ответ!

Бьются тенгинцы, штык за штыком,
Пули свистят, ядра гремят.
Каждый бастион — дом родной,
Каждый солдат — за Родину в ад!

Эх, Вулан-река, ты помнишь тот бой?
Как русские души ложились в землю?
Как Архип Осипов, рядовой,
Сказал: «Я вас, враги, не отдам!»
Слава герою! Вечная память!
Тенгинский полк не сдавался никогда!
Имя Осипова — вечно с нами,
Кубань не забудет его никогда!

Четыре часа — как один миг,
Бастион за бастионом падает.
Красные значки — враг проник,
Кровь по колено, смерть рядом шагает.

Все перебиты, кто выжил — в плену,
Черкесы ликуют, делят трофей.
Но в пороховом погребе, в углу,
Стоит Архип — последний из людей.

Тридцать восемь лет — двадцать в строю,
Персия, Турция, Кавказ — всё прошёл.
«Не отдам крепость!» — клянусь, не солгу,
Если нельзя выжить — умру хорошо!

Видит: толпа окружила подвал,
Триста, пятьсот, может, тысяча их.
«Господи, прими!» — фитиль зажёг,
И шагнул в огонь — за Русь, за своих!

Эх, Вулан-река, ты помнишь тот бой?
Как русские души ложились в землю?
Как Архип Осипов, рядовой,
Сказал: «Я вас, враги, не отдам!»
Слава герою! Вечная память!
Тенгинский полк не сдавался никогда!
Имя Осипова — вечно с нами,
Кубань не забудет его никогда!

Взрыв...
Три тысячи врагов — в один миг.

Земля дрогнула, небо заволокло.
Остановился враг, притих,
Понял: здесь не просто тело легло.

Здесь душа русская, здесь любовь,
Здесь казачья честь, здесь завет.
Повторится вновь и вновь
Этот подвиг через сто лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.